

ОЛЕГ МУХИН

ЧЕЛОВЕК: 5.
СИРИУС ЦЭ

Олег Мухин

Человек: 5. Сириус Цэ

Серия «Человек (Олег Мухин)», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10214183

Человек: 5. Сириус Цэ: «Остеон-Пресс»; Ногинск; 2015

ISBN 978-5-85689-046-3

Аннотация

Космический турист, остаётся в космосе в полном одиночестве, еще не понимая того, что ничто в этом мире не совершается спонтанно, в силу стечения обстоятельств. У всего в этом мире есть причины, есть и требуемые в этих обстоятельствах поступки, из которых проистекают столь же ожидаемые последствия. И все наши встречи и все наши расставания имеют столь же закономерные причины и столь же закономерные последствия. В том числе и встреча с прекрасной незнакомкой, который доставляет путешественника на остров в Тихом океане. И ее просьба о скромной помощи в качестве благодарности за его чудесное спасение. Однако в его сознание закрадывается подозрение, не является ли спасающая его от смерти женщина представительницей иной цивилизации. ...Они наказали Содом и Гоморру за пороки и пообещали вернуться через 50 лет, чтобы проверить, исправились ли люди.

Но обещания своего не сдержали. Может быть, они тоже не справились с собственными грехами?

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Олег Мухин

Человек: 5. Сириус Цэ

E-mail: Oleg.Mukhin62@gmail.com

Информационная и техническая поддержка – Андрей Чу-
валенко.

Часть первая

Единственное доказательство

Невозможно и немыслимо, чтобы хронисты «Махабхараты», Библии, эпоса о Гильгамеше, авторы сочинений эскимосов, индейцев северных народов, тибетцев и многих, многих других источников случайно или безосновательно сообщали одинаковые истории о летающих «богах», странных небесных аппаратах и связанных с этими явлениями ужасных катастроф.

Эрих фон Дэникен

1

Облака были похожи на клочья ваты, вылезшие из старого рваного одеяла.

– Ничего не видно, – сказал я. – Сплошная пелена. Вряд ли сегодня получится.

– Что главное в скафандре? – сухо спросил Батя. И так же безэмоционально за меня ответил: – Главное – не бздеть. Солнце скоро сядет, тогда и увидишь.

– А куда смотреть-то? – задал я вопрос.

– В школе хорошо учился? Что по географии было?

– Четвёрка.

– Значит, Южную Америку от Северной отличить сумеешь?

– Обижаешь, начальник. Я со своей командой полмира объездил.

– Ищи, Мухтар, Аргентину, Фолклендские острова.

– Это где война была?

– Ну да, где двое лысых дрались из-за расчёски.

Батя остался абсолютно серьёзен, а я захохотал.

– Макс, ты ещё влево уйти должен, градуса на три-четыре, а там, на месте, сориентируешься. – Связь была преотличная, словно я по-прежнему находился на станции и никуда не улетал.

– А не потеряюсь? – с тревогой в голосе спросил я, действительно начиная волноваться. Станция отсюда выглядела, как игрушечная.

– Не дрейфь, пока не лёг в дрейф... Мы за тобой наблюдаем. Ты сейчас мне прямо в оптический прицел смотришь. Осталось только на курок нажать. – Вселил в меня уверенность Батя и добавил: – В твоём скафандре есть два дополнительных устройства: одно для почёсывания носа, если муха на нос сядет, а другое для подмывания задницы, если вдруг от страха обделаешься. Что-то типа биде.

– Друзья познаются в биде, – пошутил я и правым двигателем произвёл несколько пусков.

Облачность по-прежнему не давала мне видеть никаких координат на местности. Шанс стать свидетелем необъясни-

мого, как мне казалось, таял на глазах. Однако у Бати на этот счёт, видимо, были свои соображения, поскольку он уверенно заявил:

– Ещё пару раз поработай бортовым, а потом кормовой подключай. Мы тебя правильно ведём. Над южной Атлантикой небо очистится.

И правда, через восемь минут вата постепенно стала редеть, клочья плавно перешли в перья. (Появились тёмно-синие прожилки.) А ещё через четверть часа – и вовсе исчезла.

Я наконец-то увидел то, за что можно было зацепиться взглядом. В огромной дыре старого рваного одеяла явно обозначились призрачные очертания южно-американского континента. Точнее, его нижней оконечности. Некий клювовидный отросток. Где заканчивается Аргентина и начинается Чили, с абсолютной уверенностью сказать было трудновато, но то, что на острие «клюва» находится мыс Горн, сомнений не вызывало.

– Прибыл на место, – по-военному чётко и с радостью доложил я, снова запустив двигатели, чтобы погасить инерцию. – Видимость неплохая.

– А теперь немного предыстории, – по-прежнему бесстрастно произнёс Батя, – подождём, пока не наступит ночь. Скопления НЛО обнаружили в NASA, когда составляли карту ночной Земли. На фотографиях со спутника, в океане, там, где не было никаких островов, были замечены светящиеся объекты. Огней было много – десятки, иногда даже сот-

ни. Они меняли своё местоположение, некоторые внезапно исчезали, другие так же внезапно появлялись. Словом, вели себя, как НЛО.

Что же могло светиться? Исчезать и появляться? Эти вопросы не давали покоя миллионам любителей аномальных явлений больше года – с тех пор, как была создана карта. Лидировали, естественно, две гипотезы. Либо огни принадлежат «летающим тарелкам» инопланетян, которые зачем-то собираются в безлюдном районе океана, словно бы на сходку – подальше от человеческих глаз. Либо засветились (в обоих смыслах) опять же пришельцы, у которых в том районе под водой база. Ведь свидетельствами о том, что НЛО взлетают из океанских глубин и туда же прячутся, переполнена вся история уфологии...

Пока он излагал мне суть дела, Солнце скрылось за горизонтом, и Земля погрузилась во тьму.

– Менее горячие головы, – монотонно продолжал Батя, – предполагали, что в объектив американского спутника попали какие-то светящиеся морские организмы, навроде планктона. Или медуз. Но уж очень они были крупные для живых существ.

– Что же это такое на самом деле? – заинтересованно спросил я.

– Ты сперва сам посмотри и реши, что это за хрень... Но так не увидишь. Увеличение дай. Огни на Фолклендах наблюдаешь?

– Вижу.

– А огни береговой материковой линии?

– Вижу.

– Между ними и Мальвинскими островами зрение сфокусируй.

Я покопался в меню, нашёл на табло наручных приборов функцию «zoom» и, надавив на квадратик, внимательно приоткрылся. Посреди океана, в открытом, как говорится, море, вдруг появилась цепочка ярких белых точек. Их там было несколько десятков, а может быть, и вся сотня. Точки медленно перемещались. То сбивались в некую кучу, то снова вытягивались в кривую линию. То гасли, то опять зажигались. Увиденное завораживало, приводило в недоумение, изумляло.

Я дал максимальное увеличение, но что же это такое так и не смог понять. Маленькие яркие белые точки лишь превратились в большие яркие белые пятна, никак не идентифицируя себя – чем они являлись в действительности. Я никогда раньше не сталкивался с НЛО вот так, вживую. Смотрел только видеозаписи. У меня возникло ощущение, что я вижу что-то потустороннее. Будто бы я заглянул в замочную скважину комнаты, куда мне входить строго-настрого запретили.

Моё подзатянувшееся молчание было прервано вопросом Бати:

– Налюбовался? Ну и что ты обо всём этом думаешь?

– Да, – сказал я, всё ещё продолжая наблюдать за стран-

ным явлением. – Сильная штука. Создаётся впечатление, что армада НЛО собралась над Атлантикой, чтобы подзаправиться топливом на их топливо-заправочной станции. А если серьёзно... Нет, это, конечно, не огни святого Эльма... Скорее это... э... Про схожие огни в атмосфере я читал в литературе. Они появляются накануне землетрясений. Предвестники, так сказать... Известно, что между ионосферой и поверхностью земли существует значительная разность потенциалов – около 250 тысяч вольт. Поскольку воздух проводит электричество, между землёй и небом течёт ток. Сила этого тока – порядка 2 тысяч ампер. В атмосфере постоянно работает своего рода электростанция мощностью около полумиллиона киловатт.

Если на глубине до 5-8 километров расположен очаг землетрясения, возникающие в его зоне разломы, трещины, сдвиги можно представить, как пробой диэлектрика в одном из конденсаторов.

Наблюдаемые при землетрясении электрические явления, таким образом, можно рассматривать, как эффект короткого замыкания в работе атмосферно-электрического генератора.

Видимо, Батя не ожидал от космического туриста столь заумных слов, видимо, Батя опешил, так как теперь замолчал он, слышалось только равномерное посапывание, и мне пришлось тормозить его словами:

– Но, я предчувствую, что моё предположение неверно и источник этих огней совершенно иного рода.

Выйдя из ступора, Батя, наконец, произнёс:

– Да, Макс, землетрясения здесь не при чём.

– А что при чём?

– То, что ты видишь – это именно то, о чём ты сразу подумал, это действительно армада НЛО собралась в океане, чтобы заправиться топливом, – заявил он на полном серьёзе, а потом, услышав моё удивлённо-растерянное «как?!», захихикал. Причём, так ехидненько, что я сразу понял, что он опять шутки шутить со мной вздумал.

– Ладно, Батя, это уже не смешно, хватит издеваться, выкладывай, что это такое, – сказал я убедительно-агрессивно.

– А зачем тебе пришельцы? Почему ты их всё время ищешь? Деньжищи такие тратишь – для чего? – отреагировал командир, забрасывая меня очередными своими вопросами.

– Ну как? Интересно мне, понимаешь, посещают нашу планету инопланетяне или нет, или это всего лишь пустые рассказы. Вот ты зачем в космосе столько торчишь? Не ради же зарплат и званий. Облучаешься тут каждый день – во имя чего? Здоровье подрываешь. Тоже ведь любопытство, наверное, тебя терзает, что такое космос, что это за зверь, и каждый раз, хоть и страшно тебе, но ты, виду не подавая,ходишь к нему в клетку.

После моих слов Батя задумался секунд эдак на дцать, а потом с какой-то теплотой, появившейся вдруг в его баритоне, совершенно неожиданно заявил:

– Знаешь, Макс, а ты всё-таки настоящий космонавт-исследователь, хоть и турист. Думал я, что с жиру ты просто бесишься, что купил билет в космос, чтобы самолюбие своё потешить, славы себе, так сказать, ещё добавить. Но вижу, ты не такой, действительно пришельцами интересуешься, разобраться хочешь в этом вопросе. Плюс смелый. Сам в открытый космос отправился. Без няньки. Со всякими трудностями справляешься. Тяготы космоса стойко переносишь. Не ноешь, не скулишь. Будь на то моя воля, я бы взял тебя в отряд космонавтов.

– Спасибо, Батя, – поблагодарил я. – Ну а всё-таки скажи, имеется у этой загадки отгадка – что это за «летающие тарелки», зависшие над Атлантикой?

– «Слева по курсу – лодка шестивёсельная, справа по курсу – лодка шестивёсельная.» «Дурак! Убери с бинокля муху!», – процитировал он хорошо мне известный анекдот и снова захихикал с ехидцей.

– Чёрт с тобой, – сказал я, изобразив искусственное безразличие в интонации, – не хочешь говорить, не надо. Всё равно узнаю. Мне бы только до Интернета добраться. Я возвращаюсь. – И сделал сложный пируэт, развернув своё тело в направлении МКС.

Ловко поймав Батю на крючок, я услышал в наушниках, как он капитулировал:

– Рассказываю... Ты не поверишь... А ларчик просто открывался... По ту сторону фокуса... Ту-ту-турум, турум...

Дамы и господа, у меня для вас есть пренеприятнейшее известие – никто не угадал. Правильный ответ недавно пришёл из NASA. Как объяснили специалисты, из космоса удалось сфотографировать...

В этом месте связь резко оборвалась, и я, естественно, сначала подумал, что это очередной розыгрыш командира и даже уже хотел выразиться матом по этому поводу, но потом ненормативная лексика просто сплошным потоком самопроизвольно полилась из моего рта, потому что я увидел, как орбитальная станция, на которую я должен был вернуться, совершенно бесшумно стала разлетаться на мелкие кусочки.

2

Вестибюль Института Моря был полон экспонатов, ого-роженных обыкновенной верёвочкой. Гигантских размеров рыба с разинутой пастью (судя по надписи на табличке – каменный окунь) посмотрела на меня синим глазом. «Ничего себе окунёк! – подумал я. – Такой и человека сожрёт, не подавится.» Рядом с окунем на посетителей нацелили свои костяные орудия рыба-пила и рыба-игла. Были здесь и враждебно настроенная

акула-молот, и хищная манта, и злобного вида пингвин, и придерживающийся позиции нейтралитета позвонок кита.

Первое впечатление – Институт Моря напомнил мне обстановку, на фоне которой разворачивались действия филь-

ма «Гараж» режиссёра Эльдара Рязанова.

Я поднялся по ступенькам на первый этаж. Выйдя из-за аквариума с плавающими разноцветными рыбками (неужто с пираньями?), дорогу мне преградил мрачного вида охранник, одетый в спецовку. «Вы к кому? – спросил он сердито и строго пояснил: – У нас режимное предприятие, вход только по пропускам. Пропуска надо заранее заказывать.»

«Они тут что – обалдели все, что ли? Какое, к хренам собачим, режимное предприятие? Может быть, здесь прячут чучело сорокаметрового дракона или живую русалку, выловленную в Чёрном море?» – подумал я, а вслух очень вежливо произнёс:

– А у меня есть пропуск. С фотографией и двумя печатями. Мне бы доцента Савушкина повидать. – И протянул охраннику сложенные пополам сто долларов. – Вот.

Охранник сразу же изменился в лице (документ ему явно понравился), украдкой сунул в карман спецовки заграничные деньги, улыбнувшись, сказал:

– Четыреста двенадцатый кабинет. Я провожу.

Поднимаясь на четвёртый этаж, мы прошли мимо больших стеклянных стеллажей, установленных на лестничных площадках, внутри которых были хорошо видны различных размеров ракушки, кораллы, заспиртованные змеи, чучела птиц, ракообразные. Я с интересом посматривал на экспонаты. От стеллажей эффект «Гаража» только усилился.

Перехватив мой взгляд, проводник любезно предложил:

– Могу организовать подробную экскурсию.
Похоже, сто долларов приятно грели его карман.
– В следующий раз, – отказался я.

3

Всё пространство полутёмного коридора четвёртого этажа было наполнено тяжёлыми резкими вибрациями. Их эпицентром, как это ни странно, оказался четырёхста двенадцатый кабинет. По мере приближения к нему, музыка заметно усилилась.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и я, не постучав, вошёл, сказав при этом «здрасьте».

Доцент Савушкин внешне сильно отличался от Доцента из фильма «Джентльмены удачи». Седоватые, коротко стриженные волосы. Худое лицо. Серые глаза. Тонкие усики под носом, немного напоминающие бутафорские усики Штирлица, приклеенные им специально для встречи с Борманом. Пивной животик.

Доцент Савушкин сидел на стуле за рабочим столом в окружении двух компьютеров, сканера и принтера. На экране монитора я увидел цветную картинку какого-то странного растения, красного цвета. (Как позже выяснилось, это было никакое не растение, а инфузория, которая своими разветвлёнными щупальцами охотилась на других инфузорий.)

Доцента Савушкина звали Никита. Никита Савушкин был

мой кумир, с которым я давно мечтал познакомиться. Кумир оторвал свой взгляд от экрана ноутбука, на котором высвечивался текст, набранный на английском языке, видимо, научная статья, и, снизив громкость музыки до минимальной, спросил, обращаясь ко мне:

– Кого-то ищете?

– Это я вам звонил... Вы меня не узнаете? – Я изобразил на лице звёздную «биллбордовскую» улыбку, обнажив белые зубы, которыми я так гордился.

– А должен?

– Ну вы же любите рок-музыку... Разрешите представиться. Максим Глубинный. Собственной персоной. Лидер группы «Maximum Depth». – Я думал, он рот раскроет от удивления и кинется обниматься и трести мою руку, как это делало большинство почитателей, но он совершенно холодно отнёсся к сообщению и остался сидеть на стуле.

Потом, воспользовавшись ноутбуком и ничуть не смущаясь, он набрал в поисковике название, открыл страницу в Википедии, стал читать её, вслух выделяя и комментируя отдельные фрагменты:

– Девяносто шесть миллионов проданных дисков... Ничего себе... Пять «платиновых» альбомов... Однако... «Соединённые Штази Америки»... Вот это названьице... Свежее дыхание прога... Угу.

– Дело в том, – подытожил он, – что я не люблю прогрессивную музыку. А то, что вы сейчас слышите – интернет-ра-

диостанция «Керранг FM». Металл отличается от арт-рока, как небо и земля... э... точнее, как земля и небо... И как это вы умудрились в Штатах, скажите на милость, продать одиннадцать миллионов копий пластинки с таким провокационным названием? – спросил мой кумир.

– Вы думаете, США это Белый Дом плюс 300 миллионов болванов? Там очень много умных людей.

– Ничего я не думаю. За меня фюрер думает, – огрызнулся он. – Я просто не понимаю, как можно петь антиамериканские песни в Америке и зарабатывать на этом огромные деньги. У нас бы такой номер не прошёл. Мне, во всяком случае, такие прецеденты не известны.

– Ну, бывало, конечно, на концертах, когда песни освистывали. И в ротацию некоторых радиостанций их не ставили. Но это дало только обратный эффект. Запретный плод ведь сладок, – объяснил я.

– Ясно. А ещё я не могу понять, почему всемирно известного рокера, играющего музыку социального протеста, заинтересовали инопланетяне, – сказал Савушкин, жестом пригласив меня присесть на свободный стул по соседству.

– Всемирно известного рокера заинтересовали инопланетяне, когда он ещё не был всемирно известным рокером. – Я выдержал паузу, чтобы сказанное мной приобрело ещё большую значимость, как я это обычно делал, давая бесчисленные радио– и телеинтервью, и продолжил: – Тяга к необычному и удивительному у меня с детства. Помните «Анто-

логию таинственных случаев» в «Технике-молодёжи»? Я с нетерпением ждал каждый следующий номер журнала. Сразу после распада Союза начали выходить книги об НЛО, о межзвёздных перелётах, о контакте. Я тогда узнал такие имена, как Шкловский, Зигель, Карл Саган. Их сочинения были моими настольными книгами. С появлением же Интернета моим кумиром стали вы – ваши публикации были самыми интересными. Я буквально зачитывался ими. Ну а когда вы написали «Космитов», это произвело в моём сознании полный переворот. «Космиты» просто «крышу» мне сорвали.

– Я снова выдержал паузу для полноты эффекта.

– Почему же всё-таки инопланетяне? – спросил доцент Савушкин, сложив на груди руки и пристально всмотревшись в моё лицо. – Почему не «снежный человек», не Бермудский треугольник, не «чёрные камни Ики»? Почему вы проявляете интерес именно к пришельцам? Предположим, выяснится, что они действительно посещали/посещают Землю, вы что после этого спать крепче будете? Зачем вам это надо знать? – Он уставился на меня как-то настороженно, и мне даже показалось, что он подозревает меня в чём-то. Может быть, в том, что я – пришелец?

Я закинул ногу на ногу, продемонстрировав ему мои дорожные туфли от Ив

Сен-Лорана, тяжело вздохнул и произнёс как можно развязнее и как можно серьёзнее:

– Чтобы договориться с инопланетянами о гастролях на

Дзете Ретикули.

После этих слов наступила мёртвая тишина, и было слышно даже, как муха пролетела. Никита Савушкин с ещё большей настороженностью посмотрел на меня, а потом, видимо, всё же поняв, с кем он имеет дело, прыснул от смеха, захохотал так, что и я не смог удержаться и составил ему компанию.

– Вы, наверное, вспомнили, – сказал я, когда мы оба отгоготали, – о том случае с Хопкинсом, с британским уфологом, когда к нему явился человек в чёрном и предупредил, чтобы он прекратил заниматься поисками инопланетян, иначе Хопкинс может исчезнуть, и на его глазах продемонстрировал фокус с исчезновением монеты, к монете совершенно не притрагиваясь. Но я хоть и в чёрной одежде, а фокусы с монетами показывать не умею. Да и отговаривать вас от поисков следов пришельцев не намерен. Наоборот, я пришёл задать вам вопрос, почему вы от этих исследований отказались? Это обстоятельство очень меня расстраивает.

Доцент Савушкин поднялся из-за стола. И молча продефилировал к раскрытому окну, выходявшему во внутренний двор Института Моря. Роста, как оказалось, он был небольшого, но телосложения – крепкого; наверняка, в прошлом занимался спортом. Сидя на стуле, я, как подсолнух к солнцу, повернул голову в его сторону.

Доцент Савушкин помолчал с минуту, глядя куда-то вниз в открытое окно, а затем изрёк, стоя спиной ко мне:

– Почему отказался? Потому что явных доказательств не

нашёл.

– Как так? – опешил я. – Их же полным-полно. В легендах и мифах древних народов говорится о богах, явившихся со звёзд и научивших людей земледелию, скотоводству, строительству и прочим полезным вещам. Это же ваши слова, что если мы заменим слово «бог» на «инопланетянин», то всё сразу встанет на место. Абстрактные боги превращаются в реальных персонажей.

– Видите ли, э... Максим, – всё так же, не оборачиваясь, сказал Никита Савушкин, – я хотел стать вторым Эрихом фон Дэникеном. Размечтался, увлёкся, переоценил свои силы. И в результате договорился до того, что упоминаемая в русских сказках избушка на курьих ножках – один в один похожа на посадочные модули американцев, высадившихся на Луне. – Он саркастически хмыкнул. – А ведь она действительно здорово похожа... Я жаждал славы, известности, соизмеримой со славой и известностью Дэникена, и перестал видеть леса за деревьями. Ну да ладно... – Матёрый уфолог-океанолог наконец-то оторвал свой взор от окна и обратился ко мне, при этом неожиданно щёлкнув пальцами: – Может быть, но кофейку?

Прежде чем ответить на его предложение, я бегло оглядел кабинет. Чего здесь только не было! Стены были увешаны полками, до отказа забитыми толстыми томами книг, пухлыми скоросшивателями, стопками пожелтевших от времени бумаг. Рядом с полками красовалась старая политическая

карта мира вся в подозрительного происхождения жирных пятнах. За ней следовал современный плакат «Спасём детёнышей тюленей», на английском языке. Далее – треугольный флаг с антарктической станции. Потом – рождённый в СССР, похожий на атомный бункер массивный сейф цвета морской волны, сплошь облепленный по фасаду разномастного вида «магнитиками», не иначе, как привезёнными хозяином кабинета из его дальних зарубежных вояжей. На сейфе, словно устремлённые в космос космические корабли, расположились электрический чайник и пластиковые бутылки с водой. То тут, то там стояли горшки с цветами, а на одном из окон висела гирлянда из CD-болванок.

Но более всего меня поразили олени рога на верху одной из полок и находящийся почти под самым потолком большой доисторический чёрно-белый портрет некоего седого господина с бородой и в строгом костюме за подписью «Лев Семёнович Берг». Кто это такой, я спрашивать не стал. И так было ясно: либо основатель института, либо какой-то выдающийся ихтиолог.

А совсем уж сводила с ума листовка, приклеенная скотчем к половинке входной двери. На ней был изображён явно ослепший красноармеец в тёмных джон-ленноновских круглых очках и с палочкой в руке на фоне железнодорожной цистерны. Вверху было начертано: «Товарищ, не пей метилового спирта!». Я жутко обрадовался этой листовке и в ответ на предложение доцента Савушкина выдвинул встречное:

– А может быть, по коньячку?

4

Максим Глубинный почти неподвижно висел в космическом пространстве на расстоянии 346 километров от Земли и равнодушно смотрел на скопление ярких белых огней, находившихся в океане на полпути между Мальвинскими/Фолклендскими островами и Аргентиной. Максим Глубинный дрейфовал (и дрейфил). Температура вне его скафандра «Орёл» была минус 88 градусов по Цельсию, по ту сторону скафандра не было воздуха. Внутри же защитной оболочки были и вполне комфортная температура, и воздух. Правда, воздуха, судя по показанию табло наручных приборов, у Максима оставалось на двадцать семь минут.

Ни штатный «Союз», ни запасной, внутри которого можно было спастись, он догнать не попытался, потому что на сто процентов был уверен, что это невозможно сделать из-за огромной разности скоростей между удаляющимися космическими кораблями и «Орлом». Оба «Союза», кувыркаясь, отправились в долгий путь в соседние южные созвездия. Один – в Часы, другой – в Сетку.

Почему произошёл взрыв орбитальной станции – этот вопрос уже больше не интересовал Максима, поскольку точный ответ на него он не знал, а строить всевозможные предположения ему надоело. В данный конкретный момент вре-

мени его больше всего занимала мысль – как ему достойно уйти из жизни; что такое придумать, чтобы его гибель запечатлелась в памяти человечества, как нечто, соответствующее его звёздному статусу.

Но ничего толкового на ум не приходило. Из-за животного страха смерти, поедом пожирающего всю его сущность, мысли лишь разбредались в разные стороны и в голове крутилось уже многократно думанное и передуманное.

Максим Глубинный с грустью и щемящей тоской подумал о тех людях, кого из-за взрыва станции он потерял. Представил лицо Бати – его лысую шарообразную башку, длинный мясистый нос, рыжеватые брови, бесцветные слюдяные глаза. Батя был здорово похож на немецко-фашистского солдата. Этакий Фриц Рыжий Лис из детской книжки. Увидел болтуна Вальку, постоянно травившего свои полуфантастические байки. Игната, по прозвищу Нафаня, с вечно довольной физиономией, страстного меломана, большого любителя классических рок-групп, в том числе и его поклонника. Японца Тусиму (за глаза именуемого Фукусимой), то и дело попадающего в трагикомические ситуации. Единственного более-менее серьёзного члена экипажа – биолога Майкла Хаббарда, американца. «Эх, хорошие были ребята!»

Почему-то вспомнился эпизод, как по случаю дня рождения Бати он вместе с ними со всеми пил малыми дозами коньячок из пластиковых туб с этикеткой «Чай особый». И ещё один – как Хаббард учил его пользоваться так назы-

ваемым ассенизационным устройством, проще говоря, туалетом, стоимостью аж 19 миллионов долларов, которое, как выяснилось, стоило бы гораздо дешевле, если бы было изготовлено из чистого золота.

С огромным сожалением Макс вспомнил и о своей навсегда утраченной гитаре – красном «Фендере» с серийным номером 002, которая, по его настоянию, в комплекте с усилком и колонкой была в «грузовике» доставлена на орбиту. И в компании с которой он впервые в мире отыграл хоть и короткий, но исторически важный космический концерт – исполнил несколько вещей из собственного репертуара, транслируемых в прямом эфире на весь земной шар; как он выразился, «на всю вселенную».

Представил кислое личико Криськи, которая должна была вслед за ним отправиться на МКС и стать первой в мире поп-певицей, спевшей в космосе. Агилера уже заплатила 50 миллионов долларов за предстоящий полёт.

Подумал: «Теперь её поездка накрылась медным тазом. Но ей-то деньги вернут, а я, идиот, отдал полтинник «лимонов» за собственную смерть». При этом поймал себя на ощущении, что к тому, что с ним случилось, он до сих пор не относится как к реальности, и что он всё время ждёт, что вот сейчас в мертвецки молчащих динамиках снова возникнет чуть хриловатый Батин голос и тот ехидно рассмеётся и скажет что-то

по-детски банальное, типа: «Обманули дурака на четыре

кулака».

Максим Глубинный безучастно рассматривал яркие белые огни в океане и сожалел о том, что он так и не узнает, чем они являются на самом деле. «Батя вроде бы намекнул, что природа огней объясняется чем-то простым. Ну, хоть убей меня – не могу догадаться, что бы это могло было быть. Вот было бы здорово, если бы они действительно оказались «летающими тарелками» инопланетян. Тогда не так печально мне было бы умирать. Было бы кому помолиться, было бы хоть в кого-то поверить.»

Он мысленно увидел попа, окропляющего «святой водой» ракету-носитель на старте. Увидел нелепый многоликий иконостас по соседству с чёрно-белой фотографией Юрия Гагарина на переборке МКС. И засмеялся. «Ну что, помогли вам ваши папуасские бусы? Взрослые люди. Образованные. Двадцать первый век на дворе. Стыдно ведь, господа.»

Он посмотрел на табло наручных приборов. Кислорода оставалось на шестнадцать минут. «А зачем, собственно, ждать? Растягивать агонию? Может быть, разгерметизировать к чёртовой матери скафандр и дело с концом – ускорить процесс прихода смерти? Падение давления вызовет вскипание растворённых в крови газов, а воздух в альвеолах лёгких резко расширится, приводя к их разрыву. Наверное, будет больно. Наверняка, больно. А умирать от нехватки кислорода – не больно?»

Он вспомнил, что хотел умереть достойно. Что до сих пор

ничего не придумал – как это сделать. «Было бы, наверное, эффектно – вспыхнуть в ночном небе яркой звёздочкой, как болид, и чтобы те, кто это увидели, загадали желание. Но я не скоро сгорю в плотных слоях атмосферы, может быть, вообще не сгорю. Буду летать покойником в виде спутника, пока меня не найдёт поисковая команда. Ёлы-палы! Как же я забыл? Ведь в скафандре стоит видеорегистратор. Вот оно! Надо что-то сказать на прощанье. Что-то умное. Что же сказать? Нужно что-то возвышенное и величественное. Что-то незабываемое. Нужно произнести серьёзную прощальную речь.»

Перед его глазами в последние несколько минут пронеслась вся его жизнь: голодное и холодное детство, отец – горький пьяница, мать – религиозная фанатичка, ненавистные школа и техникум, брат – отморозок, племянник – ещё больший отморозок, вереница размалёванных девок, алкоголь, служба в тошнотворной армии, вынужденная эмиграция, рок-группа, гастроли, гастроли, гастроли, пачки денег, поклонники, элитные проститутки, журналисты, менеджеры, прихлебатели, гастроли, гастроли и ещё раз гастроли.

Через три минуты, когда закончился воздух, задыхаясь и теряя сознание, он успел громко сказать в микрофон: «Да пошли вы все на хер!» и сквозь фокусно изменяемое стекло скафандра увидеть, как какая-то яркая белая точка стала приближаться к нему. То ли это был НЛО с Атлантики, то ли что-то ещё.

Что именно это было, он так и не понял.

5

После третьей рюмки с Доцентом мы перешли на «ты». Никита сказал, хватит «выкать», я тебя всего лишь на восемь лет старше. А от закуски он напрочь отказался. Я хотел позвонить в ресторан и заказать чего-нибудь покушать, предупредил, что без закуски нас может развести. Но он отобрал у меня элитный смартфон, сказал «ерунда» и поведал случай, когда его так развезло, что он штаны даже не успел надеть. Это они таким образом с другими матросиками «бухали» на военном корабле, когда служили на тихо-океанском флоте. «Бухали» посредством разведённой водой водки и клизмы. Заходишь в каюту, объяснил Никита, а там все твои друзья-товарищи с голыми задницами лежат. Балдеют.

Насчёт правдивости этой истории я выразил сомнение. Сказал, что сие есть анекдот. Тогда Доцент предложил проверить действие вышеупомянутого способа на практике; мол, в лаборатории института имеется необходимое резиновое изделие, и он тут же за ним отправляется. Я представил себя без штанов на снимках, за баснословные деньги купленных таблоидом «The Sun». И заголовок их передовицы – «Maximum Depth Arsehole» («Самая глубокая дырка в жопе»). Пришлось рассказ принять на веру.

Это потому вас так развозило, что вы не закусывали, от-

шутился я и из рюкзака вынул походную мою вырубалочку – спелый-переспелый гранат. Никита глаза вытаращил от удивления. Коньяк и лимон – понятно. А гранат здесь при чём?

Я разломил узбекское лакомство на части, набрал щепотку красных, истекающих соком бубышек, сказал, это меня наши эмигранты в Новой Зеландии научили, смягчает, знаешь ли, действие коньяка, и мы с Доцентом выпили за Новую Зеландию и её сообразительный (в обоих смыслах) народ, закусив спелыми-переспелыми зёрнами граната.

Вопреки моим ожиданиям, Никита, однако, никак не прокомментировал своё отношение к нетрадиционной закуске, а отреагировал совершенно по-другому, сказав:

– Ну, выкладывай, какие у тебя имеются доказательства. (Совсем, как в фильме «Красная жара», когда представитель русской мафии на ломанном русском спрашивает у Шварца: «Какие ваши доказательства?».)

Я немного растерялся, а потом понял, что он имеет в виду, быстро собрался с мыслями и уверенно начал перечислять:

– Огромные рисунки и взлётно-посадочные полосы в пустыне Наска, карты турецкого адмирала Пири Рейса, обелиск в Луксоре, древнеиндийские «виманы», крылатый бог Кукулькан в Паленке, бизон с пулевым отверстием в черепе, хрустальный череп майя, японская ракета, египетский планер, латиноамериканские самолётики, бумеранг, зальцбургский параллелепипед, «машина из Антикиферы», статуэтки

«догу»... Э...

На большее меня не хватило.

Он молча пососал зёрнышки граната, выплюнул выжимку на стол, из моей гастрольной фляги снова до краёв наполнил рюмки, без меня опорожнил свою, но теперь уже не закусывая, крикнул и, глядя куда-то поверх моей головы, произнёс:

– Значит, говоришь, рисунки на плато Наска, вроде бы являющиеся сигнальными ориентирами для инопланетян и полосы, на которые якобы приземлялись космические «челноки» палеоастронавтов.

А тебе известно, что все эти «пауки», «обезьяны», «рыбы» и прочие всякие «птицы» различимы только днём и со сравнительно небольшой высоты – 100-200 метров, да и техника их нанесения довольно примитивная: неведомые мастера удаляли коричневый поверхностный слой пампы, обнажая более светлый грунт? Поэтому где ты тут видишь именно доказательства прилёта пришельцев? Лично мне кажется, что здесь имеет место быть всего лишь древний аэродром для занятий планерным спортом. Кстати, ты упомянул модельки планера и золотых самолётиков. Вот тебе и ответ.

Что же касается изображения «великого марсианского бога», фигур и лиц с нимбами, с «антеннами», со «шлемами», фигур, похожих на роботов, статуэток «догу», то...

Доцент Савушкин поднялся со стула и принялся ходить взад-вперёд по скрипучему полу кабинета, глядя в потолок.

– Допустим на минуту ужасный, но, к сожалению, теоре-

тически возможный вариант, что наша нынешняя цивилизация в результате ядерной войны будет полностью уничтожена. И, предположим, пять тысяч лет спустя археологи обнаружат обломки Статуи Свободы в городе Нью-Йорке. В соответствии с твоей логикой мышления, археологи следующей цивилизации будут утверждать, что речь идёт о неизвестном божестве – скорее всего, о божестве огня (судя по факелу) или о божестве Солнца (судя по лучам вокруг головы статуи). Хотя на самом деле, как нам известно, это не имеет к действительности никакого отношения.

Доцент Савушкин прямо выбивал почву у меня из-под ног. Такими простыми примерами он напрочь перечёркивал всё то, что он популяризировал на протяжении восемнадцати лет в своих статьях, докладах и монографиях, на основе которых я учился и строил собственное мировоззрение.

«Ну ладно, пусть где-то он и перегнул палку, – подумал я, – избушка там на курьих ножках или Христос-космонавт, но в общем и целом его аргументы в пользу контактов с инопланетным разумом в прошлом человечества в высшей степени весомы.

Ситуация складывается парадоксальная – я должен доказывать, что пришельцы посещали Землю, человеку, который восемнадцать лет именно этим и занимался.

Видимо, он уподобился Иосифу Шкловскому, астрофизик, который многие годы убеждал нас во множественности разумной жизни во вселенной, а потом вдруг взял да и в

одночасье отказался от этой своей идеи.»

– Постой-ка, – возразил я. – А чем тогда объяснить рисунок ракеты, найденный на острове Кюсю, и тем паче подробнейший чертёж космического корабля в Паленке, за штурвалом которого сидит крылатый бог Кукулькан?

Доцент Савушкин, ничуть не задумываясь, ответил:

– Японские ракеты – всего лишь игрушки, годные разве что только для увеселительных фейерверков. Видимо, японцы позаимствовали их у китайцев.

У меня даже речь на какое-то время отнялась от такой наглости. Но потом я всё-таки нашёл в себе силы сказать как можно более язвительно:

– А ракета из кх... Мексики для какого фейерверка предназначалась?

Не говоря ни слова, Никита походил бесцельно туда-сюда по помещению, опять остановился у раскрытого окна и снова на что-то там уставился.

– Понимаешь, э... Максим, и ракета из Паленке, и «огненные колесницы», и «летающие драконы», и «виманы», и «вертолёт», и ядерное оружие, и машина манны, и строительные блоки весом до двух тысяч тонн, и «лампы накаливания», и прочее, и прочее – это всё технология. Технология высококлассная. Я этого не отрицаю. Но это технология не пришельцев из космоса. Это технология других пришельцев, – сказал он куда-то во двор.

У меня глаза на лоб полезли:

– Каких таких «других пришельцев»?

6

Знаменитый уфолог-океанолог медленно прошёл на своё рабочее место и перед тем, как продолжить разговор, выпил со мной ещё коньяка.

– Те доказательства, которые приводит Дэникен в своих книгах, и те доказательства, что приводил я, при тщательном рассмотрении не оказались доказательствами контактов древних народов с инопланетянами. Да, они являются доказательствами контактов древних народов с цивилизацией, намного опережающей их в своём техническом развитии. Но это цивилизация не инопланетная, это цивилизация наша – земная.

Давай рассуждать трезво, – сказал Никита, а я поймал себя на мысли, что сие уже никак невозможно, поскольку и он, и я пьяны. – Первое. Пришельцы, сошедшие с небес, выглядели как люди, правда, были ростом выше, чем аборигены, были крепче их, имели светлые волосы, бороды. Второе. Женщин среди пришельцев практически не было. Встречаются отдельные исключения в виде богини-женщины, но крайне редко. Третье. Детей, сопровождающих прибывших «сынов Солнца», тоже никто не наблюдал.

Далее, – продолжил Савушкин, основательно подливая теперь уже в бокалы коньяк из моей гастрольной ёмкости. –

«Крылатые люди» обладали тайными знаниями, недоступными местным жителям... Твоё здоровье... Взять хотя бы того же Тота... Тот же Тот – хороший каламбурчик получился... Жрецы Египта считали его изобретателем языка, письменности и математики. Ему приписывали обширные знания в астрономии, и круг Зодиака якобы тоже его творение. Кроме того, он разбил день и ночь на двенадцать часов. Он показал крестьянам, как межевать поля и направлять каналы в нужное русло, обучил жрецов строить храмы. Тота почитали, как «великого волшебника» и «измерителя времени»...

– И о чём это говорит? – бестактно перебил я своего кумира. – Нельзя ли ближе к делу?

– Обобщаю, – резюмировал Доцент. – На Земле в давние времена существовала цивилизация, живущая обособленно от других цивилизаций, которая обогнала остальные народы мира в культурном, историческом, экономическом и техническом плане на много веков вперёд. Эта высокоразвитая цивилизация научилась летать по воздуху и выходить в космическое пространство, освоила атомную энергию и раскрыла секрет долголетия. То, что она решила попытаться подтянуть отставшее человечество до своего уровня – это что-то типа миссионерства.

Её представители даже вступали в половые сношения с «дочерьми человеческими», дабы улучшить породу людей. (Ну как эсэсовцы во вторую мировую.) Они выступали в роли советников у вождей, сами становились вождями. Им бы-

ло позволено вмешиваться в междоусобные конфликты или карать за непослушания целые города. Например, Содом и Гоморру...

Мне почему-то вдруг стало интересно слушать то, что он говорит. Может быть, из-за большого количества выпитого мной благородного напитка.

– Те чудеса, которые продемонстрировали космиты местному населению в разных уголках земного шара, по сегодняшним меркам не являются такими уж чудесами. Практически все эти научные достижения у нынешнего человечества имеются, разве что атомные ракетные двигатели и возможность резко увеличить продолжительность жизни у нас пока ещё отсутствуют.

Понимаешь, Максим, ну не могли бы пришельцы из космоса выглядеть так же, как земные люди. Не могли бы инопланетяне вступать в сексуальные связи с женщинами нашей планеты. Да и вообще трудно представить, чтобы космические корабли перемещались со скоростью, близкой к скорости света.

И даже если бы они летали со субсветовыми скоростями, их путешествия от звезды к звезде из-за гигантских скачков времени, из-за «парадокса близнецов» потеряли бы всяческий смысл.

– Под этой высокоразвитой цивилизацией, – сказал я, – ты, конечно же, подразумеваешь атлантов.

Доцент Савушкин ответил уклончиво:

– В данной ситуации это не имеет особого значения. Я тебе объясняю общую схему. Были ли это атланты или кто-то ещё – не суть важно.

Мы подняли тост за доисторическую сверхцивилизацию.

– И куда, по-твоему, эта самая супердержава делась? Куда она запропастилась? – задал я ему полный скепсиса вопрос, зажёвывая свой скепсис остатками граната.

Но и к этому повороту дискуссии он был готов:

– Судный день или Страшный суд, обещанный пришельцами, не состоялся. Они не вернулись. По какой причине? Что-то случилось. Глобального масштаба. Возможно, природная катастрофа, возможно, война. Территория, на которой они проживали, ушла под воду. – Никита посмотрел на географическую карту – нарисованной воды там было предостаточно. – Кое-кто, не исключая, спасся, добравшись до суши, но возродить былое государство выжившим не удалось.

Вот представь. Твой личный вертолёт – у тебя ведь есть личный вертолёт? – терпит аварию и разбивается, и ты оказываешься на необитаемом острове либо на острове с дикими людьми. Сможешь ли ты с помощью своих знаний сам или с индейцами отремонтировать вертолёт, я уж не говорю про то, чтобы построить новый? С детства в наши головы вкладывают информацию, так сказать, общего характера, но чтобы создать высокотехнологичный продукт, нужны усилия многих сотен специально обученных людей и технологии, наработанные не одним предыдущим поколением,

информации обычного характера для этого недостаточно.

– Всё это хорошо, всё замечательно, – произнёс я, чувствуя, что всё действительно хорошо и замечательно, что мы с Доцентом хорошо сидим. – Если бы ни одно «но»...

– За это «но» надо выпить, – слегка заплетающимся языком вставил слово мой собеседник.

– Если бы ни «летающие тарелки». Как они вписываются в твою новую теорию, ума не приложу. Суперцивилизация исчезла, а её «огнедышащие драконы» продолжают существовать.

– Ты случайно в Обществе древних астронавтов не состоишь? Ты его случайно не финансируешь? Деньги-то хорошие зарабатываешь, можешь себе позволить... Молодец. Упёртый малый. Прямо юный следопыт, – Савушкин сделал паузу, икнул, а потом выдал мне по первое число: – Во второй половине девятнадцатого века в европейском обществе сложилось твёрдое убеждение, что на Марсе есть разумная жизнь. И во Франции произошёл вот такой курьёз. Парижская академия наук учредила премию за первый контакт с инопланетянами, причём марсиане во внимание не принимались, потому что их существование считалось абсолютно доказанным фактом, – и дополнил вышесказанное: – Сегодняшние англичане на правительственном уровне много лет изучали феномен НЛО. Никаких реальных доказательств существования «летающих тарелок» они не нашли и программу закрыли. А англичане, поверь мне на слово, дотошные

ребята.

– То есть, по-твоему, НЛО это дерьмо собачье?

– Нет, НЛО это bullshit, дерьмо телячье, как говорят американцы. Но хоть оно и телячье, а не собачье, а всё равно дерьмо.

И тут я вдруг начал понимать, что происходит. Почему он так себя со мной ведёт. «Первое впечатление ведь самое правильное. Оно никогда меня не подводило.» Я посмотрел в глаза доценту Савушкину и на какое-то мгновение мне показалось, что ни его это глаза, а рачьи – чёрные бусины навывкате. «Рак пятится назад... Да он боится меня, как чёрт ладана. Он же трясётся от страха, как заячий хвост. Он же весь покрылся испариной от ужаса.» Капельки пота действительно поблескивали у него на висках.

Меня так и подмывало задать ему несколько убийственных вопросов, произвести пару-тройку выстрелов ему прямо в сердце, но я передумал. «Он ничего мне не скажет. Это ведь ясно, как дважды два. Будет извиваться, словно уж на сковородке, но правды от него не добьёшься... Он думает, что я... Кто это его так?...»

Доцент Савушкин расстегнул рубашку. Видимо, жарко стало. И как только он сделал это, все мои тёмные мысли, все мои подозрения улетучились.

– Вот это номер, – сказал я, изрядно удивившись.

Из-под рубашки на меня глядела Юлия Тимошенко со своей знаменитой «фирменной» косой.

– А ну-ка, ну-ка, – я расправил белую футболку на животе у Никиты, чтобы получше рассмотреть рисунок.

В руках у Юлии, одетой в пятнистую военную форму, было какое-то громоздкое футуристическое оружие. «Ядерная винтовка», – насмешливо подумал я. А над её косой шла надпись – «Ночной дозор».

– Ты что это, – спросил я как можно более иронично, – являешься тайным поклонником леди Ю? Она же, как политик – никакая. Как сказал бы Глеб Жеглов, «воровка на доверии».

– А мне плевать, какой она политик, – отвечивал Савушкин. – Ты на жопу её погляди, – он расправил нижнюю часть Тимошенко, – какая жопа!

И рассказал мне попутно сильно смахивающую на байку историю о том, как его однажды, как крупного специалиста по НЛО, пригласили посмотреть на то, как одна женщина-уникум (фамилии её он не назвал) будет взглядом двигать предметы в одном научно-исследовательском институте (название которого он тоже утаил). Ему сказали: «Пошли посмотрим. Это ведь так интересно – женщина взглядом двигает предметы». На что доцент Савушкин якобы ответил: «Я знаю лишь один предмет на Земле, который может двигаться под женским взглядом».

Мы посмеялись над историей, выпили за женщин. Никита икнул и безапелляционно заявил:

– Женщины – вот кто настоящие пришельцы. И ведут они себя по-другому, чем мы, и логика у них совсем иная, и чувства инопланетные... Ик... Ик... Ик...

Похоже, мой собутыльник дошёл в питье коньяка до точки срабатывания предохранителя – Доцент стал постоянно икать. Был у меня один хороший знакомый из группы «Deep Purple» (фамилию называть не буду), который, как только сильно напивался бурбона, начинал непрерывно чихать. Но эту историю я не стал излагать Доценту, а вместо этого из рюкзака, который принёс с собой, вытащил чёрную футболку и приложил её себе на грудь картинкой вперёд.

– А я вот чего себе купил. У вас тут. В палатке. Перед институтом.

Принт на футболке был следующий. Чёрно-белое лицо Путина, словно лицо Джаконды, чуточку улыбающееся уголками рта. Глаза прикрыты тёмными шпионскими очками. Белая рубашка, чёрный галстук. И чёрно-белая надпись внизу – «In Putin We Trust».

– Ну как, нравится? – спросил я у Никиты и, не дождав-шись реакции, развил тему: – Буду америкосов на концертах дразнить. Сейчас для них Путин, как красная тряпка для быка. Вот славно повеселюсь. У них на долларах написано «In God We Trust». Правда, в какого именно они бога верят, они не уточняют. А тут полная конкретика. Уже прямо вижу их вытянувшиеся от такого сюрприза физиономии.

Перекошенные от изображения на футболке лица амери-

канцев мне ещё только предстояло увидеть, а трансформированный под действием чёрно-белого Путина фэйс доцента Савушкина можно было наблюдать прямо сейчас. Что-то с его лицом приключилось чудаковатое. Рот искривился и потёк, словно тушь с ресниц, правый глаз сместился куда-то вверх, зрачок закатился, левый глаз стал косить, нос расплющился в асимметричную кляксу. То есть физиономия его превратилась в сюрреалистическую картину Дали. Можно было рисовать с натуры, ничего от себя не добавляя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.